

Лидия
ЧАРСКАЯ

*Повести
и рассказы*

Лидия Алексеевна Чарская

Нуся

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636535

Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Вот уже целую неделю Нуся не заходит в кухмистерскую, где прежде получала за тридцать копеек довольно скудный обед. Скудный – но тем не менее обед. А теперь седьмой день ей приходится довольствоваться чаем и ситным с плохонькой колбасою из мелочной лавочки. Нынче же и на колбасу не хватит...

Лидия Алексеевна Чарская

Нуся

На стенных часах в коридоре пробило два. Нуся захлопнула толстую тетрадь лекций и зевнула. Она встала сегодня очень рано, чтобы готовиться к полугодовым зачетам. Хотелось спать. Но еще больше сна давал себя чувствовать голод. Вот уже целую неделю Нуся не заходит в кухмистерскую, где прежде получала за тридцать копеек довольно скудный обед. Скудный – но тем не менее обед. А теперь седьмой день ей приходится довольствоваться чаем и ситным с плохонькой колбасою из мелочной лавочки. Нынче же и на колбасу не хватит. Всего восемь копеек осталось в ветхом, порыжевшем от времени кошельке. А недавно еще – конечно, сравнительно недавно – этот кошелек был новенький, красивый, а главное – полный денег, кредитных бумажек и блестящих новеньких золотых. Точь-в-точь так же полон, как полна была Нусина душа самыми светлыми, самыми радужными надеждами всего несколько месяцев тому назад.

Как хорошо помнит этот день Нуся! Отец с матерью, бабушка и маленькая сестренка Ирочка провожают ее на вокзале их уездного глухого уголка. Там, в бытность свою в родном городе, Нуся мечтала о Петербурге. Бедную гимназисточку Нусю манил Петербург и своими курсами, на которых Нуся, в этом году окончившая лишь гимназию, мечта-

ла продолжать свое образование, и публичными лекциями, и театрами, и кружками учащейся молодежи. Там, чудилось ей, текла совсем особенная, совсем исключительная жизнь, полная значения, интереса и смысла. Каким будничным казалось ей ее прозябание, как она называла жизнь в уездном городке!

Родители не имели ничего против поступления Нуси на курсы в Петербурге; но отец, суровый труженик из бедных чиновников, решительно заявил дочке:

– Поезжай, коли надумала. А только смотри, Анна, денег зря не транжирь. Больше пятнадцати рублей высылать тебе в месяц не могу... А в Питере, говорят, жизнь втридорога. Не опростовололся.

– Пятнадцать рублей в месяц! Да это целое состояние, папочка! – и Нуся, которой все казалось в розовом свете, даже запрыгала от радости. – И потом... потом я буду давать уроки!

– Ну, где там уроки, Нусенька! Чай, ученье все время съест у тебя... А ты вот что: возьми у меня... Продала я шубу с воротом чернобурой лисицы, пятьдесят рублей дали. Вот, их возьми, деточка, на обзаведение. Куда мне, старухе? Сыта и обута. Много ли мне надо?..

И старая бабушка сунула в руку Нуси этот самый, теперь уже порыжевший, тогда же новешенький кошелек с деньгами, скрепляя слова свои поцелуем.

Через несколько дней Нуся уехала.

Петербург с первого же дня появления в нем Нуси жестоко напугал девушку. Сразу пришлось истратить целую уйму денег: внести плату за право слушания лекций, обзавестись книгами, заплатить за комнату. А там театры: нельзя же было не познакомиться с ними с первых же дней. Затем пришлось приобрести некоторые вещи для пополнения гардероба и прочее, и прочее, и прочее. Словом, деньги текли, как вода.

Не прошло и месяца со дня водворения Нуси на жительство в столице, как пришлось уже познакомиться с недостатками и недочетами. Деньги, подаренные бабушкой, очень скоро были израсходованы. Правда, каждое первое число отец аккуратно высылал по пятнадцать рублей в месяц, но разве этого могло хватить при восьмирублевой комнате на обеды, чай, прачку, трамвай и прочее и прочее?

А уроки, как на зло, не попадались. Слишком уж много развелось желающих давать уроки!..

Нуся, однако, не унывала. Новые товарки, знакомство с ними, разные кружки, а главное – театры, куда она с таким удовольствием бегала на галерку, не давали ей первое время долго раздумывать над печальными обстоятельствами. И только неделю тому назад, когда пришлось вместо обедов питаться чем Бог послал и избегать чуть ли не весь город,

тщетно ища занятий, русая головка Нуси в раздумье опустилась, а беспечное до сих пор детское личико приняло столь несвойственное ему выражение озабоченности и грусти.

Нуся познакомилась с первыми вестниками нужды...

* * *

В то время как Нуся размышляла над грустным своим положением, у двери ее крошечной комнаты послышался легкий свист шелковых юбок, затем последовал троекратный стук в дверь, и в Нусину каморку просунулась элегантная хорошенькая головка в большой шляпе со страусовыми перьями.

– Изволина, можно к вам? – произнес звонкий голосок гостьи с порога комнаты.

– Входите, Борей, входите!

Элли Борей, однокурсница Нуси, дочь богатого банкира, впорхнула в комнату, внося с собой струю свежего морозного воздуха и вдобавок к нему – тонкий аромат дорогих парижских духов.

– Что вы делаете, Изволина? Никак зубрите лекции? Бросьте, милушка. Стоит того... Я сегодня не поехала на курсы. Проспала. Вчера отец повез всю семью в оперу. У нас была ложа. Вы не можете себе представить, как они пели вчера! Я обожаю «Риголетто». Вы помните этот мотив?

И Элли пропела хорошо знакомую Нусе арию.

Нуся оживилась, сразу забыла свои плохие дела, голод, жуткий призрак нужды. Элли она не любила, как не любили все эту богатую, праздную, Бог весть для чего поступившую на курсы, барышню.

Но Элли принесла с собою кусочек того радостного светлого мирка, который всегда так тянул к себе Нусю.

– А сегодня что вы делаете, Элли? – с любопытством спросила она нарядную оживленную Борей.

– Сегодня? Ах, милушка, да разве вы не знаете? Сегодня бал у технологов... Надеюсь, и вы там будете... Я нарочно к этому дню сшила себе платье. Прехорошенькое вышло: зеленое, прозрачное, на розовом чехле. Очаровательно... А на голову – розовую же ромашку... Вот вы увидите. Ведь встретимся на балу? Все наши там будут.

– Да? – голос Нуси упал до шепота, личико вытянулось и побледнело.

Ах, как ей хотелось попасть на этот бал! Она давно мечтала о нем. Но разве можно идти туда в том черном потертом платье, в котором она бегает на лекции или в театр на галерку? А другого у нее нет. Да и потом, какой уж тут бал, когда ей есть нечего. Нуся тяжело вздохнула. Глаза ее невольно наполнились слезами. Вдруг внезапная мысль осенила ее голову.

Что если взять займы несколько рублей у этой богатой и нарядной Элли? Можно будет купить светлую кофточку... Они недороги... Из дешевого шелку... И одеть с черной

юбкой, предварительно хорошенько почистив последнюю. И перчатки... Может быть, и на туфли хватит. Элли всегда располагает крупными суммами карманных денег. Что ей стоит помочь товарке! Она, Нуся, отдаст ей, непременно отдаст, когда получит.

И красная от смущения Нуся, первый раз решившаяся просить в долг денег, заикаясь, чуть шепотом лепечет:

– Борей, голубушка, не можете ли вы мне одолжить десять-двенадцать рублей. Я вам отдам при первой возможности, – и окончательно смущенная, она низко-низко опускает свою русую головку.

Борей прищуривается. Ее глаза смотрят чуть-чуть насмешливо на эту склоненную головку. Сколько раз обращаются подруги с подобными просьбами к ней, Борей. Она уже к ним привыкла. Разумеется, у нее, Элли Борей, всегда найдется в портмоне такая ничтожная сумма. Но с какой стати рисковать ею? Она не настолько хорошо знает эту самую Изволину, чтобы быть уверенной в отдаче ею долга. Да и потом – на всякое чиханье не наздравствуешься: сегодня попросит одна, завтра другая. А ей, Элли, еще так много хотелось купить именно в этот день: такие миленькие открытки выставлены на углу Морской, затем надо зайти к Балле купить сладости. Она, Элли, обожает засахаренные фрукты – только фрукты, остальных сладостей не признает. И еще непременно надо купить кое-что из туалета...

Как, однако, неудобно отказывать этой девочке. Элли ко-

сится на все еще склоненную русую головку: «Сейчас видно глухую провинциалку, – иронизирует она мысленно, – извольте радоваться – дай ей сразу десять-двенадцать рублей! Или она воображает, что Элли кует деньги? Ужасно глупо!»

Элли Борей встает, смотрит мельком на золотой браслет с часиками, украшенными эмалью, и говорит отрывисто, не глядя на Нусю.

– Извините, Изволина, денег у меня в данное время нет. Были большие траты. Благодаря балу пришлось купить на платье, цветы, перчатки... Вы сами можете понять... Советую обратиться к кому-нибудь другому... Ах, Боже мой, как я заболталась у вас... Скоро три часа. Надо спешить обедать... Лошадь застоялась, я думаю, ожидая меня. Прощайте, милушка, прощайте.

И тряся хорошенькой головкой, а вместе с нею и густыми страусовыми перьями на шляпе, Борей поспешно пожимает руку Нуси и спешит за дверь. На пороге она останавливается, медлит на мгновение и, чтобы сказать что-либо, в невольном смущении бросает через плечо:

– Я бы советовала вам переменить комнату, Изволина. В ней вам положительно вредно оставаться. Посмотрите, какая сырость проступила в углу.

Еще легкий кивок головы, свист шелковых юбок, и изящная фигурка гостьи исчезает в длинном прокопченном чадом коридоре.

После ее ухода Нуся стоит как потерянная несколько ми-

нут на одном месте. Жгучий стыд, боль обиды и раскаяние в просьбе овладевают ее душой. Ах, что бы дала она, только лишь бы вернуть, не произносить сорвавшуюся у нее с уст фразу об одолжении денег!

– Бесчувственная, нечуткая, бессердечная, жадная эгоистка! – вырывается у нее стоном по адресу исчезнувшей Борей. Она с силой обхватывает руками голову, садится на свою жесткую-жесткую, как камень, кровать и горько плачет, зарывшись головой в подушки.

* * *

Январский день короток. Быстро спускаются зимние сумерки на землю. В Нусиной каморке они появляются много раньше, чем у других, потому что единственное оконце едва не упирается в стену противоположного дома, и в каморке редко бывает по-настоящему светло.

Нуся давно перестала плакать. Стоит с широко открытыми глазами и смотрит в потолок. Темные сумерки сгущаются. Темные мысли тоже – о людской несправедливости, эгоизме и нечуткости. Но как ни темны эти мысли, а голод заглушает их, резко напоминая о себе.

Нынче Нуся может позволить себе роскошь купить на четыре копейки ситного и на четыре колбасы, завтра уже ничего покупать не придется. Но о завтрашнем дне Нуся не думает. Волчий аппетит говорит ей об одном только сегодняш-

нем дне.

Она быстро одевает свою ветхую шубенку, старую шапочку под котик и, надевая по пути вязанные перчатки, спускается вниз на двор. Мелочная лавочка у ворот, тут же. Нуся покупает свой убогий обед, вернее теперь уже ужин, и спешит к себе. Всегда растрепанная, с подоткнутым подолом и тяжелой гремящей обувью, хозяйская прислуга ставит самовар. Нуся зажигает лампу, режет колбасу и ситный на маленькие кусочки и, стараясь обмануть голод, медленно съедает их, запивая чаем. Бьет шесть.

Девушка снова одевается и выходит.

Надо зайти к кому-нибудь из товарок по курсам. Может быть, там она услышит про уроки или про переписку.

Студеный зимний вечер сразу прохватывает Нусю своим пронизывающим ветром и хлопьями снега. Ноги зябнут в легких резиновых галошах. Голова кружится и болит; нельзя питаться безнаказанно всю неделю одним только ситным с колбасою!

В усталом Нусином мозгу складывается робкое решение. «Что если написать отцу, просить его выслать деньги вперед?» Но в тот же миг неудачная мысль отбрасывается: «Откуда же взять денег отцу, живущему с семьею на скромное жалованье – семьдесят рублей в месяц?»

И тут Нусю обжигает горечью мысль: а ведь она ни разу не зашла в храм, все ее мысли были целиком поглощены театрами, кружками, балами. Да и то общество, куда ее так ма-

нило, давно считало изжившим себя предрассудком ходить на службы и молиться Богу. И, стремясь успеть за ними, она незаметно для себя отстранилась от Церкви.

Зубы Нуси начинают стучать, как в ознобе. Ноги подкашиваются. Она с тоскою смотрит по сторонам. Маленький сквер еще открыт. Там скамейки. Необходимо сесть на одну из них, иначе она упадет. Голова кружится. И губы сами собой начинают сначала шепотом, а затем вслух произносить: «Пресвятая Богородица, спаси нас»...

Теплый лучик молитвы согревает надеждой уже замирающее сердце.

* * *

– Ба, Изволина, какими судьбами?

Нуся вздрагивает от неожиданности. Перед нею как из-под земли вырастает высокая фигура студента, запущенная снегом. При свете зажженных фонарей она сразу узнает знакомое некрасивое, все в рябинах от оспы лицо студента-технолога Алчевского, его светлые вихры, торчащие из-под фуражки, и старенькое летнее пальто, которое Алчевский носит во всякое время года.

Этот Алчевский очень беден, и Нуся отлично знает это. Питается он впроголодь, бегает по грошовым урокам. Его всегда можно застать в храме. И никогда хорошее настроение духа не покидает его, несмотря на то, что у этого са-

мого Алчевского на плечах целая семья: мать-старуха, большая сестра-вдова, сестрины дети. И он умудряется содержать всех четверых.

– Эх вас вынесло, коллега, в такую непогоду! Сидели бы дома, а то, шутка ли сказать, добрый хозяин нынче собаку на улицу не выпустит, а вы вот, тут как тут, в стужу и метель на скамеечке в сквере...

– Да ведь вы тоже вышли, Алчевский, – уныло замечает Нуся, делая попытку улыбнуться.

– Ах, скажите, пожалуйста! – смеется Алчевский. – Да я, сударыня, мужчина, и нашему брату всякие нежности не с руки. Не по комплекции, изволите видеть. Это во-первых. А во-вторых, на радостях мне и стужа непочем. Жарко, словно летом при сорокаградусной температуре, а все от счастья.

– От счастья? – словно эхом откликнулась Нуся.

– Ну, да. Чего вы, с позволения сказать, глазки вытарацили? Счастлив я нынче, Анна Семеновна. Два урока получил. Один получше, а другой похуже. Да тот, что получше-то, так хоть самому первому в мире репетитору, и то находка. И гонорар разлюли-малина, и ученики теплые ребята. А главное дело – безработица у меня была за последнее время такая, что хоть ложись и помирай. Все хотят учить, а никто – учиться. А тут вот, словно с неба свалилось. Моя старуха-мать и то говорит: «Это нам свыше, Ванечка, послано, в награду за долгую голодовку...» Так как уж тут не радоваться да не чувствовать летнего зноя в стужу и метель!.. Ну, а вы что?

– Я?

Нуся хотела рассказать о себе этому веселому, неунывающему Ванечке (как все знакомые называли Алчевского), но только махнула рукой и неожиданно горько заплакала.

Алчевский растерялся от неожиданности.

– Анна Семеновна, что вы? Да Господь с вами? С чего это? А? – озабоченным голосом с заметной долей волнения лепетал он, заглядывая в залитое слезами лицо Нуси.

Та долгое время молчала, не будучи в силах произнести ни слова.

Долго утешал и успокаивал ее Ванечка, пока Нуся нашла в себе наконец силы собраться с духом и рассказать ему все, решительно все: и про свои более чем плохие обстоятельства, и про то, как она тщетно искала какого-либо заработка, урока, переписки, и про грозный призрак голода, и про отказ однокурсницы в помощи ей, Нусе, несмотря на обещание с ее стороны во что бы то ни стало отдать долг...

Нуся говорила, Алчевский слушал. Сидя на скамеечке сквера, занесенной снегом, Изволина, как говорится, изливала своему случайному собеседнику душу. Ах, как тяжело жить, как негостеприимно принимает большой город таких маленьких глупеньких провинциалок, не умеющих ориентироваться в столице! И новый поток слез орошает взволнованное личико девушки.

О предстоящем бале у технологов она, Нуся, уже не думает. Мысль о бале явилась у нее сразу под впечатлением

визита и беседы Элли Борей. Ее не тянет ни на бал, ни на какие развлечения больше. Какие там балы, когда грозный призрак нужды и лишений в самом существенном, в самом необходимом встает за ее плечами?

Опустив беспомощно руки на колени, дрожа от волнения, она сидит подавленная. Слезы то и дело выкатываются у нее из глаз... Хочется без конца плакать, плакать...

Ее собеседник сидит молча, с опущенной головой и думает, сосредоточенно думает какую-то упорную думу.

Неожиданно вскакивает со скамьи Ванечка, машет руками и еще более неожиданно кричит «ура». Нуся вздрагивает и смотрит на Алчевского испуганными, недоумевающими глазками. «Уж не сошел ли он с ума, этот странный Ванечка!» – мелькает у нее в голове невольная мысль.

– Ура! Дважды ура! Трижды ура! – продолжает чуть ли не вопить Алчевский, не обращая внимания на то, что проходящий в это время сторож сквера подозрительным взглядом окидывает его фигуру и, кажется, намерен сделать ему замечание за нарушение общественной тишины.

– Ура, коллега! Слава Богу! Способ выручить вас из беды найден... Как вам уже известно, я получил два урока – один похуже, другой получше. Известное дело, получше оставляю себе, похуже передам вам. Ничего себе и тот, что похуже. Десять «целкачей» в месяц и обеды ежедневные, потому – семья хлебосольная, любит до отвалу кормить. Обеими руками за них держитесь, коллега. Кажется, и учить-то придется-

ся девочек, гимназисток. Вот вам адресок.

И закованною без перчатки рукою Ванечка лезет в карман, достает оттуда тщательно сложенную бумажку и передает Нусе.

– Недалеко отсюда, советую сейчас же махнуть туда, сказать, что де Ванечка Алчевский отказывается от вашего урока, мне передает. Так, мол, и так, считаю себя не хуже его, а по тому случаю прошу любить и жаловать аз многогрешную!

– Да ведь они вас хотели, а не меня; и потом, как же вы-то, вы-то, Алчевский, без урока останетесь? – лепечет смущенно Нуся.

– Перестаньте, пожалуйста, не до сентиментов тут... Говорю вам, лучший урок себе оставил, а вам менее выгодный предложил. Берите и не смущайтесь. А что против вас ничего не будут иметь – за это уж я ручаюсь. Повторяю вам – учить придется девочек. Пожалуй, родители даже рады будут, что не студент, а курсистка будет учить их девочек... Итак, не зевайте: сегодня же отправляйтесь по адресу, который я вам дал.

Ванечка говорит убедительно, но почему-то не глядит в глаза Нусе: ему точно совестно...

Нуся понимает, что он просто из сострадания отдает ей свой урок.

«Милый Алчевский, чем я отплачу ему за это!» – думает она.

Нуся колеблется. Не отдать ли, не вернуть ли великодуш-

ному Ванечке бумажку с адресом, не отказаться ли от предложенного им с такой готовностью выхода или же принять его жертву? Ведь он нуждается, вероятно, не меньше ее, Нуся, и, кроме того, у него целая семья на плечах.

«Нет, нет, пусть этот заработок остается за ним», – решает она.

И Нуся уже протягивает руку с сжатой в пальцах бумажкой. Ей хочется крикнуть Алчевскому: «Не надо, не надо... Я не приму вашего великодушного порыва... Я не могу принять...»

Но слова замирают у нее на устах... Алчевского уже нет подле... Пока она колебалась, борясь сама с собою, он успел встать и незаметно уйти.

Его высокая фигура быстро тает теперь вдали за решеткою сквера.

Нуся долго провожала Алчевского глазами, и сердце девушки примирилось с недавней обидой как вполне заслуженной, покоренное лучшей силою светлой человеческой души...